

Н. И. Лапицкая

ТЕКСТЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗАГОВОРОВ КАК ИСТОЧНИК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются основные направления исследования восточнославянских заговоров, основные группы заговорной лексики, заслуживающие внимания лингвистов.

Язык выступает в качестве важнейшего элемента познания. Значимыми в этом отношении являются следующие высказывания Ф.И. Буслаева: «Сколько бы народ ни отклонился от своего первобытного состояния: пока он не утратит своего языка, до тех пор не погибнет в нем духовная жизнь его предков». «Вместе с родным языком мы нечувствительно впитываем в себя все воззрения на жизнь, основанные на верованиях и обычаях, в которых язык образовался: и как предания, донесшиеся до нас из отдаленных веков только в звуке, мифология народная надолго будет жить в языке своей яркой изобразительностью и метким взглядом на природу» [1, с. 87–88].

Заговоры – своеобразный архаичный фольклорный жанр. Функции заговоров чисто прагматические: они проговаривались с целью достичь определённого результата (вылечить больного, вызвать дождь и т.д.). Эти слова воспринимались как вещи, пророческие, имеющие таинственную силу.

Е.Ф. Карский писал: «... Заговор есть выраженное словами пожелание, часто соединенное с известным обрядом или действием, пожелание, которое непременно должно исполниться» [2, с. 60]. А.Н. Афанасьев подчеркивал, что «могучая сила заговоров заключается именно в известных эпических выражениях, в издревле узаконенных формулах...» [3, с. 14].

Психологическую основу этого «вида русской народной поэзии» рассматривал Н. Крушевский, который отмечал, что «предметы неодушевленные и даже известные изменения в предметах (например, различные болезни) кажутся народу живыми и разумными существами; потому упоминание их названий может вызвать их самих» [4, с. 17].

Новый период в изучении заговорных текстов начался в 70-е–80-е годы XX столетия, после окончательного выделения этнолингвистики в самостоятельный раздел языкознания. В связи с этим

Т.Б. Лукинова отмечает: «Дальнейшее успешное развитие сравнительно-исторической лексикологии все настоятельнее требует привлечения экстралингвистических фактов. При этом, чем древнее изучаемые пласты лексики, тем более возрастает значение данного требования. Особенно важны свидетельства смежных гуманитарных наук, и в первую очередь этнографии, для тех лексических групп, у которых можно предполагать связь с широким комплексом древних верований и представлений об окружающем мире, обусловленными ими обрядами, все вместе относимые к тому, что обозначается термином славянское язычество» [5, с. 119].

Достаточно большое количество работ посвящено рассмотрению особенностей, специфики жанра заговоров. Это труды В.Н. Топорова, А.Л. Топоркова, Т.А. Агапкиной, А.М. Астаховой и др. В белорусской лингвистике следует назвать исследования Г.А. Барташевич и Т.М. Судник. В связи с разработкой вопросов этнофразеологии заговоры рассматриваются В.И. Ковалем (см. [6]). В исследованиях данной направленности отмечается важность обращения к заговорам. Так, Г.А. Барташевич подчеркивает, что заговоры «...здаўна прыцягвалі ўвагу вучоных розных школ і напрамкаў, якіх цікавілі вытокі мастацтва, светапоглядная аснова розных яго відаў, генезіс мастацкіх вобразаў» [7, с. 6]. На необходимость изучения заговоров указывают Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков: «Изучение заговоров становится в последние годы одним из плодотворных направлений этнолингвистики. Это обусловлено как их хорошей сохранностью, так и особенностями формы, прагматики и семантики. Насыщенность заговорной топики и сюжетики мифологическими мотивами делает заговоры ценным источником для реконструкции древней славянской культуры – как системы представлений, так и конкретных текстов» [8, с. 67].

Восточнославянские заговоры, безусловно, являются источником этнолингвистических исследований. Следует отметить, что изучение языковой архаики заговорных текстов может вестись в нескольких направлениях:

1. Присущая заговорам архаика формы проявляется в специфических чертах разных структурных элементов их языка. Так, особого внимания заслуживает изучение разных групп лексики в текстах заговоров. Широко представлены в заговорных текстах устаревшие слова. Например, наименования болезней в заговорах русских, украинцев и белорусов представлены собственно лексическими архаизмами: русск. *призор*, *падвей*, укр. *підвій*, *призор*, бел. *пудвей*, *прызор* и др.

Достаточно большой пласт в текстах заговоров составляет церковнославянская лексика: русск. три *врана*, крест *златой*, сухие *древа*, стану *аз*, раб Божий и др.

2. Отдельного изучения в текстах заговоров требуют собственные имена, так как, по мнению многих исследователей «называние имен в заговоре само по себе есть живейшая и наиболее остро-интенсивная часть заговора, его идеальное ядро, обладающее максимумом творческих потенций, т. е. то заклинание, слово-дело, которое выступает как квинтэссенция всего заговора» [9, с. 100].

ИС гораздо более чем другие языковые знаки, будучи универсалиями языка и культуры, выполняют функцию хранения и трансляции национального самосознания, традиций, истории, культуры народа. Они являются сложными языковыми знаками. Эта мысль относится, в частности, и к ИС, функционирующим в мифологических текстах – заговорах.

Имя собственное в русских, белорусских и украинских заговорах является одним из ключевых элементов заговорных текстов, вокруг которых может формироваться весь заговор. Мифологический текст может быть организован на основании формально выраженного или скрытого приема этимологической магии.

Имена собственные русских, белорусских и украинских заговоров объединяются в несколько замкнутых кругов, которые ориентированы на различные объекты.

1) Первый круг составляют имена собственные, называющие святых мучеников и апокрифические имена (рус. *Илья-пророк*, *Иоанн Креститель*, *Соломония*, бел. *Кузьма-Дзям'ян*, *Георгі Пабеданосец* и др.).

2) Второй наиболее многочисленный и цельный круг имен составляют наименования лихорадок, включающие трансонимизированные (бел. *Яўгешка*, *Фяклушка*, *Кацька* и др.) и переходные отапеллятивные имена (рус. *Ногия*, *Тенная*, *Ревота* и др.).

3) Наименования змей в заговорах имеют трансонимизированный и нетрансонимизированный характер (бел. *Дамаха*, *Паляха*, *Ева*, *Сохва* и др.).

4) К мифолокативам относятся имена, называющие географические объекты и составляющие четвертый круг заговорных ИС (рус. *Океан*, *Буян*, *Иордан*, бел. *Кіян*, *Сіян*, *Ярдань* и др.).

3. Своеобразием отличается употребление в заговорах нумеративов. Они используются здесь не только с целью определения количества предметов, а отражают древнейшие представления восточных славян о магии чисел: русск. «...выйду я, раб Божий, на *три розтани*

и помолюся я *трём братьям-ветрам...*», бел. «... у том гняздзе ляжаць *тры вужы, тры цары...*», укр. «*ішло три калікі через три ріки...*».

4. При всём многообразии заговорных текстов по размеру и строению выделяется несколько композиционных типов заговоров, в каждом из которых использованы свои приёмы и средства.

К таким средствам относится наличие так называемых заговорных формул (зачинов, отсылов, пожеланий, закрепков-концовок): русск. «...на восточной стороне стоит святая церковь...», бел. «*Госпаду Богу памалюся, Прачыстай мамцы пакланюся...*», русск. «*На море-океане, на быстрой Бояне – там есть гнездечко...*», бел. «*На моры Буяні там ёсць курган шырокі, высокі...*». Из таких заговорных формул, как из кирпичиков, строится «здание» текста [см. 10].

Таким образом, восточнославянские заговоры, безусловно, являются источником этнолингвистических исследований. По глубине архаики тексты заговоров не имеют себе равных в восточнославянском фольклоре. Исследуя те или иные языковые особенности данного жанра фольклора, мы знакомимся с представлениями, верованиями восточных славян, постигаем их менталитет.

Список использованных источников

1. Буслаев, Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт словаря по Остромирову евангелию / Ф.И. Буслаев. – М., 1848. – 211 с.
2. Карский, Е.Ф. Белорусы. Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. – Ч. 1: Народная поэзия / Е.Ф. Карский. – М., 1916. – С. 57–89.
3. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3-ех ч. – Ч. 1. / А.Н. Афанасьев. – М., 1865. – 800 с.
4. Крушевский, Н. Заговоры как вид русской народной поэзии / Н. Крушевский. – Варшава, 1876. – 70 с.
5. Лукинова, Т.Б. Лексика славянского язычества / Т.Б. Лукинова // Этимология. 1984. – М.: Наука, 1986. – С. 119–124.
6. Коваль, У.І. Народныя замовы як крыніца ўтварэння этнафразем / У. І. Коваль // «Я блізка стаю да народа...»: Мат-лы навук. чытанняў, прысвеч. Еўдакіму Раманаву / Гом. дзярж. ун-т. – Гомель, 1993. – С. 37–41.
7. Барташэвіч, Г.А. Магічнае слова: Вопыт даследавання светапогляднай і мастацкай асновы замоў / Г.А. Барташэвіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 128 с.
8. Агапкина, Т.А. К реконструкции праславянских заговоров / Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры: сб. научн. трудов. – Л.: Наука, 1990. – С. 67–75.

9. Топоров, В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции (Избр. главы) / В.Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М.: Наука, 1993. – С. 80–103.

10. Песков, В.М. Об устойчивых поэтических элементах русского заговора / В.М. Песков // Филология. Вып. 5. – М., 1977. – С. 26–39.

УДК 391-055.2 (477+476) (09) «1875/1925»

Т. В. Луговик

УКРАЇНСЬКО-БІЛОРУСЬСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ ЖІНОЧИЙ КОСТЮМ КІНЦЯ ХІХ–ПОЧАТКУ ХХ ст.: ВЗАЄМОВПЛИВИ ТА ЕТНОКУЛЬТУРНА СПОРІДНЕНІСТЬ

В статті висвітлено особливості українського і білоруського національного жіночого костюма, з'ясовано спільні та відмінні риси народного одягу поліського пограниччя кін. ХІХ – поч. ХХ ст., узагальнено територіальні варіації назв ключових елементів жіночого костюма минулого та позаминулого століть.

Кожен народ неповторний у власній духовній і матеріальній культурі. Ця індивідуальність знаходить своє відображення, перш за все, в традиційному народному костюмі. Національний одяг виступає своєрідним лакмусовим папірцем розвитку рівня культури народу, втіленому у володінні різними технологіями виробництва матеріалів та оздоблення костюма. Крім того, одяг несе історичне та духовне значення, адже з глибокої давнини і протягом усього існування він задовольняв не лише матеріальні, а й духовні потреби людини, виконуючи різноманітні побутові, соціальні й обрядові функції. Мистецький рівень, емоційна насиченість вбрання відбивають естетичні уподобання, світогляд та психологію народу.

Одним з найбільш архаїчних регіонів, який до сьогодні зберіг свій неповторний етнографічно-культурний колорит, є Полісся. З-поміж збережених елементів народної культури поліський національний костюм є чи не найдавнішим і сягає корінням часів Київської Русі. Проте статусу національного символу костюм набуває лише у ХVІІ–ХІХ ст. Саме тоді почали комплексно вивчати національний костюм як неповторне явище народного життя, відбулося його розмежування на натільний, поясний, нагрудний і верхній комплекс. Крім того, обов'язковим компонентом вбрання поліського регіону були пояси,